Сейфеддин ДАГЛЫ

ТАКАЯ УДИВИТЕЛЬНАЯ АЗБУКА

Ахмед и Мамед в один и тот же день пришли в школу в первый класс и сели за одну парту.

Учитель написал на доске первую букву и сказал, чтобы дети переписали ее в свои тетрадки.

Ахмед быстро справился с заданием, а Мамед никак не мог, и тогда Ахмед помог соседу, аккуратно выведя в его тетради первую букву алфавита.

Оба удивились.

Ахмед украдкой разглядывал нового друга. Такой толстый мальчик с трудом умещается в таком новеньком костюмчике; его такой дорогой портфель набит тетрадями, цветными карандашами. Почему же он не может управиться с таким простым заданием? И Мамед потихоньку удивлялся соседу: такой худенький, пиджачишко на нем болтается, портфельчик такой неказистый... Почему же он так хорошо все делает?..

Раз удивившись, друзья уже не могли оправиться от удивления долгие годы.

В школе Ахмед выполнял, кроме своих, и уроки Мамеда, писал от его имени заметки в стенную газету и записки девочкам. И каждый раз Ахмед удивлялся: ведь Мамед совсем не знает, о чем писать. Почему же он берется за заметки, зачем посылает записки девочкам? Удивлению Мамеда тоже не было границ: ну и чудак этот Ахмед, так хорошо умеет писать, а заметки за своей подписью не дает, умен, красив, а ни с одной девушкой не встречается.

Мамед и десятилетку окончил с помощью друга, и заявление в институт за него написал Ахмед.

Потекли студенческие годы. Днем Ахмед работал на заводе, а вечером учился. Частенько, спеша на занятия, он встречал Мамеда в веселой компании. Но по привычке Ахмед никогда не отказывал другу в помощи, даже написал за него дипломную работу. Ахмед остался работать на заводе инженером, а Мамед получил направление в главк и через некоторое время стал начальником Ахмеда.

Новый начальник тут же вызвал к себе старого друга.

— Привет, старина! — сказал он. — Я о тебе сразу подумал. Добился для тебя новой штатной единицы,— заместителем моим будешь, по письменной, так сказать, части. Сиди себе и пиши.

— Что писать? — удивленно спросил Ахмед.

Мамед засмеялся:

— Я слышал, ты тему взял, а в цеху у тебя работы много, не напишешь диссертации... Сиди здесь и пиши себе помаленьку. Ну, будешь еще писать доклады для руководства, то есть для меня. Сам знаешь, сколько мне приходится выступать: отчеты на совещаниях, официальные речи, с ума сойти можно...

Ахмед пожалел друга и согласился.

Конечно, диссертацию свою он писал ночами — ведь днем свободной минуты не оказывалось. Хоть и трудно было, но Ахмед все-таки стал кандидатом наук. На следующий день после защиты шеф положил перед своим заместителем тощую папку:

— Друзья во всем должны быть равны. Выбери время и напиши диссертацию для меня. Предварительные наметки я сделал сам, тебе остается превратить эту тонкую папку в толстенькую...

Через три года Мамед успешно защитил написанную Ахмедом диссертацию и стал кандидатом наук...

Как говорили еще древние мудрецы, желаниям человеческим нет предела.

В один прекрасный день шеф усадил своего заместителя в новенькую машину и повез к себе в гости. После роскошного обеда хозяин открыл перед Ахмедом душу:

— Ты знаешь, что я еще с детства мечтал стать писателем. Зачем скромничать? Уже тогда у меня были способности. Помнишь мои статьи в школьной газете? Прелесть! И диссертация моя, все хвалят ее... Вот я и подумал: написал бы ты для меня какой-нибудь роман, поэму или пьесу на худой конец. А протолкнуть я смогу.

Ахмед уронил очки:

— Да, но я же не писатель.

— Чудак ты: сочинения писал, письма писал, статьи писал, доклады писал, дипломную работу писал, диссертацию писал. А какую-то книжку не можешь?! Разве для этого нужна другая азбука?

Перестал тут Ахмед удивляться и написал заявление с просьбой освободить его от обязанностей заместителя Мамеда и вообще от работы в этом учреждении.

Ахмед вернулся к себе на завод, а Мамед не только получил повышение по службе, но и подобрал себе нового заместителя — человека, долгие годы обивавшего пороги многих редакций в надежде издать что-нибудь из своих сочинений. И вскоре вышла в свет повесть Мамеда «Как я научил своего друга азбуке».

Перевод с азербайджанского.

РАЦПРЕДЛОЖЕНИЕ КРОКОДИЛА

Рисунок И. СЕМЕНОВА

Ян ПО[illegible]альный корреспондент Крокодила

Встаньте, бюрократ: СУД ИДЕТ!

Так вот. Позвонил мой друг прокурор и без околичностей сообщил:

— Уф, умаялся! Целый день вчера судили бюрократа.

— Натурального? — переполошился я.

— Из плоти и чернил.

Вот уж не думал, что бюрократов судят! В последнее время этот термин вообще стал чуть ли не анахронизмом.

Дело было так. На одну северо-западную железнодорожную станцию прибыл вагон с химикалиями. И надо было его, как это происходило неоднократно, с ходу подцепить к попутному составу. Чтобы не сорвать, значит, график предприятия-заказчика.

А начальником станции был человек въедливой недоверчивости.

— Пока я на означенном объекте,— оповещал начальник весь околоток,— ни одна мышь не проскочит без путевого документа!..

Вообще-то говоря, такая щепетильность достойна всяческой похвалы. Но в данном случае она была ни к чему. В кутерьме транспортных будней начальник как-то не сразу смог разобрать подпись на одной накладной. Этакого незначительного факсимиле, без которого и так было ясно — откуда и куда следует груз и, главное, кто за него в ответе. Однако вместо того, чтобы молодцевато сдвинуть на затылок красную фуражку и свистнуть в свисточек, он принялся сообщаться с дистанциями и инстанциями, требуя новых предписаний и дополнительных распоряжений.

И сколько ни втолковывали начальнику все эти дистанции и инстанции, что надо без проволочек отправить народнохозяйственное сырье, сколько ни твердили ему, что подпись достаточно внятная, он был неприступен, точно водонапорная башня. И только иногда отворял уста, чтобы цыкнуть на нетерпеливых сочным железнодорожным лексиконом:

— Не сифонь! Закрой поддувало!

Короче говоря, вагон как миленький прокантовался на запасном пути больше недели. Заводской график был безнадежно сорван. А чем же кончилась эта история? Чего добился водонапорный начальник? Того, что был отдан под суд. Суд педантично определил стоимость задержанного добра, вычислил проценты и нашел, что государству нанесен весомый убыток. Вышеуказанный начальник был всесторонне наказан и стал нижестоящим стрелочником на запасном пути...

— А если такие неувязки возникают в сфере простых человеческих взаимоотношений? — спросил я.

В голосе моего друга прокурора появились обвинительные нотки:

— Надо и журналистам подковываться... Ведь в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 года говорится о том вреде, который может быть нанесен должностными лицами интересам или правам отдельных граждан. Поинтересуйся — и найдешь такие факты.

Дело, о котором мне поведали в Калининской областной прокуратуре, на фоне железнодорожной эпопеи выглядело не очень рельефно. Банально, неприметно, если хотите, буднично. Однако, поразмыслив, я решил, что именно поэтому оно стоит внимания широкой общественности и должностных лиц.

В один достаточно прекрасный день начальник Вышневолоцкой передвижной механизированной колонны треста «Мелиоводстрой-2» Дегтев Георгий Михайлович принял на временную работу двух мастеров — золотые руки. Надо было срочно провести дренаж территории одного совхоза. Понятно, что по такому поводу в трудовых книжках мастеров были учинены соответствующие записи.

Мастера — золотые руки управились с заданием, как пишут в положительных очерках, проворно и в срок. И вообще, говорят, это были славные и корректные мужички. Так вот, управились они, следовательно, в срок и, как было оговорено, подали заявления об уходе. Понятно, что по такому поводу тоже должны быть учинены соответствующие записи в трудовых книжках.

Но соответствующие записи не были учинены. Вместо того, чтобы без затей подмахнуть начальственную подпись, вышеупомянутый Дегтев Георгий Михайлович, образно говоря, выказал себя как махровый бюрократ.

Не хочется возводить напраслину. Контора ПМК никак не походила на канцелярское присутствие. Не было здесь душной тесноты учрежденческих закоулков. Повсюду царила деловая суета. Это был настоящий производственный участок, подлинный, так сказать, форпост строительного треста. Да и сам начальник не смахивал на хрестоматийного чинушу. На первый взгляд это был настоящий производственный деятель, подлинный руководитель-труженик.

Однако была у него одна особенность: любил он помарьяжить, помурыжить, а также помытарить людей. Иначе говоря, не давал никому потачки... Бог знает откуда возникает эта страсть. Науке еще точно неведомо. Из персональных генов, что ли? А может, от должностного честолюбия?

Короче, вышеупомянутый Дегтев Георгий Михайлович заставил уволившихся мастеров в течение сорока дней являться в контору за своими трудовыми книжками. В течение сорока дней бедолаги занимали места в приемной, чтобы подкараулить начальника и выцарапать у него заветную подпись.

Иногда кто-нибудь из них поднимался с насеста и конфузливым шепотом просил напомнить о себе. На что секретарша надменно роняла:

— Вы тут не устраивайте мне митинга протеста! А то не получите книжки ни за какие коврижки...

Так бы и продолжалось это великое сидение до второго пришествия, да хорошо какой-то добрый человек посоветовал изнемогшим мастерам подать в суд, ибо нарушение трудового законодательства было налицо.

И вот в один достаточно пасмурный день Вышневолоцкий народный суд рассматривал иск граждан Халецкого и Заикина к передвижной механизированной колонне треста «Мелиоводстрой-2». В зале было малолюдно и угрюмо. Реденькая компания любознательных с изумлением прислушивалась к тому, как начальник ПМК нес околесицу. Он призывал высокий суд смотреть шире, глубже, выше, так как настоящий-де руководитель призван беспокоиться о всем хозяйстве в целом, а не о считанных штатных единицах...

Суд выслушал обе стороны, а затем вынес решение, по которому передвижная механизированная колонна должна была выплатить гражданам Халецкому и Заикину за задержку их трудовых документов соответственно 618 и 625 рублей.

Острое надзорное око прокуратуры нашло здесь явное соответствие известному нам Указу. И в соответствии с этим соответствием гр-на Дегтева Георгия Михайловича прокуратура привлекла к дисциплинарной ответственности, а также к частичной компенсации нанесенных ПМК убытков.

Кажется, теперь самое время прокричать «Виват!». Но смущает одно маленькое обстоятельство. Смущает то, что в конечном итоге начальнику колонны, нагревшему свою родимую контору на 1 243 рубля, вкатили всего-навсего административный выговор и заставили раскошелиться всего на 100 рублей.

И вообще было бы полезно, если бы бюрократа окружили здоровым полноценным позором и процессы над ним проводились не при реденьком скоплении случайной публики, а при свете софитов и с пространным анонсом в прессе.

И все-таки нелишне прокричать «Виват!». Ведь, как сказали бы классики, лед тронулся, товарищи народные заседатели...

Встаньте, бюрократ: суд идет!

Калининская область.

Юрий БЛАГОВ

Как создавался октет

На днях приехал дать концерт
То ль из Орла, то ль из Иванова
Электро-ритмо-джаз-квартет
Из труб, гитар, бород, манжет
Под руководством Шарля Танова.
Почуяв жажду в поздний час,
Квартет в буфет зашел, и нате-ка:
Там распивал отнюдь не квас
Другой квартет и тоже джаз
Под руководством Воло Сатника.
Совместный вылился банкет
В дебош характера злодейского,
И сформирован был октет,
Что ныне трудится чуть свет
Под руководством Мили Цейского...

Гизо НИШНИАНИДЗЕ

ДОБРОЙ НОЧИ!

Спальня с ночником. На кровати спит Нико. Раздается пронзительный телефонный звонок. Нико с трудом отрывается от подушки, берет трубку.

ГИЗО. Алло, Нико! Что делаешь?

НИКО. Ну что в это время можно делать? Как всегда, играю на трубе. Разве не слышно?

ГИЗО. Сердишься? А ты меня узнал?

НИКО. Конечно.

ГИЗО. Так кто же я?

НИКО. Собака ты.

ГИЗО. Это почему же?

НИКО. Потому что сейчас не спят только собаки. Который час?

ГИЗО. Половина четвертого. Ха-ха! Но все-таки вспомни меня. Мы с тобой в позапрошлом году отдыхали в Гаграх.

НИКО. Припоминаю. Но почему ты позвонил именно сейчас? Что-нибудь случилось?

ГИЗО. Ничего не случилось. Просто взял и позвонил. Что у тебя нового?

НИКО. Ничего. А у тебя? Может быть, я должен чем-нибудь помочь?

ГИЗО. Очень нужна мне твоя помощь! Ты что, не хочешь со мной разговаривать? Спешишь куда-нибудь?

НИКО. Нет, я никуда не спешу. Но откуда ты мне звонишь?

ГИЗО. С улицы, из автомата. С трудом разыскал через справочную номер твоего телефона.

НИКО. А почему бы тебе не пойти домой?

ГИЗО. Шутишь, что ли? Дождь льет, как из ведра.

Перевод с грузинского.

С. СПАССКИЙ

Этот Шура

Этот Шура преследовал меня всю зиму.

— Ну поедем вместе весной на байдарке! — ныл он.— Мне уже семнадцать, а я ни разу не был в походе! Все равно у тебя палатка на двоих! Я все выдержу — ураганы и землетрясения.

Он так надоел мне, этот Шура, что я согласился.

...Пройдя по реке километров тридцать, мы выгрузились на небольшом лесистом острове.

Майское солнце, костер, окуневая уха — о чем еще можно мечтать?

А этот Шура к вечеру снова заныл:

— Да ну... Одеяла, матрасы... Что я, дачник? Приключений надо!

Я промолчал. А он демонстративно не полез в палатку, а устроился прямо на берегу, под перевернутой байдаркой.

Утром, за завтраком, я отхлебнул чаю и сморщился: чай был горько-соленый...

— Это бывает,— сказал Шура.— При переправе через Анды мулы срываются, и во вьюках соль перемешивается с сахаром.

Днем я обнаружил, что весь запас спичек промок.

— Амазонка,— задумчиво сказал Шура.— В верховьях она коварна. Волны захлестывают плот, а припасы промокают.

Я вынул из кармана зажигалку. Шура вздохнул.

Через час запахло горелой резиной. Я взглянул на костер.

— Шура! — закричал я.— Твои кеды!

— Кеды,— мечтательно согласился Шура.— Ужасен пожар в пампасах. Путникам редко удается спастись...

Этот Шура ходил босиком весь день, а вечером поймал гадюку, посадил ее в алюминиевый бидончик и радостно сказал:

— Однажды вот так зоологическая экспедиция наловила кобр, а ночью змеи освободились и расползлись по палатке.

Я отнял у него бидон и вытряхнул гадюку в реку. Она торопливо уплыла вниз по течению. Шура, недовольный, полез спать под байдарку.

На следующее утро он поднес к моему носу кулак с двумя зажатыми в нем палочками.

— Тащи! — сказал он.

Я вытащил короткую палочку.

— Короткая палочка — короткая жизнь,— объяснил Шура.— Таков обычай моряков, выброшенных штормом на необитаемый остров. Продукты кончились, и приходится жертвовать одним ради жизни остальных. Пойду дровишек заготовлю. Где топор?

— Нет уж,— сказал я, схватив топор,— я сам заготовлю.

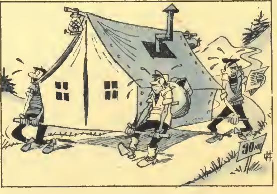
Я зашел в лес, потом незаметно прокрался берегом к байдарке и спустил ее на воду.

Удочки, топор и одно весло я оставил Шуре. Он не пропадет, этот Шура, искатель приключений и начинающий каннибал.

Горными тропами.

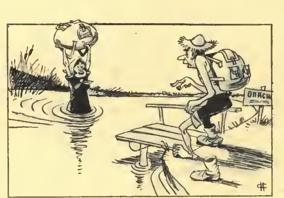
— Ребята, в инструкции сказано, что она разбирается!

СТЕПНОЙ КРУИЗ.

Трое в лодке, не считая собаки.

— Здесь глубоко! Вам помочь?
— Не беспокойтесь: меня муж на плечах перенесет!

— Завести жеребят? Шутишь? Стану я надевать себе хомут на шею!

Рисунок М. БИТНОГО

НЕофициальный отдел

ЗДРАВСТВУЙ, МИХАИЛ КОЛЬЦОВ!

В это прекрасное солнечное июньское утро Михаил Кольцов вновь встретился со своими многочисленными друзьями и читателями на Страстном бульваре у дома № 11, где он когда-то работал как председатель Правления журнально-газетного объединения.

На серой гранитной доске — барельеф Михаила Кольцова рядом с полосой газеты «Правда», с которой неразрывно связаны имя и деятельность прославленного публициста и фельетониста. Как известно, М. Кольцов был также редактором «Огонька» и «Крокодила».

При открытии мемориальной доски тепло и проникновенно сказали о Михаиле Кольцове заместитель Председателя Союза журналистов СССР В. И. Чернышов, политический обозреватель газеты «Правда» В. Маевский, писатели Е. Рябчиков и И. Кружков, брат М. Кольцова — Б. Е. Ефимов.

В ОТКРОВЕННОЙ ОБСТАНОВКЕ...

Очному знакомству, как это часто бывает, предшествовало заочное. А потому и встреча с первых же минут носила самый непринужденный характер.

По предложению хозяев, представителей трижды орденоносного Пермского моторостроительного завода, прежде чем приступить к обмену мнениями, было решено ознакомиться с продукцией друг друга. Крокодил охотно согласился на это и предложил рабочим, инженерам, техникам, рабкорам осмотреть передвижную выставку карикатур.

Хозяева, в свою очередь познакомили Крокодил с образцами продукции завода. Скажем прямо, она произвела должное впечатление. Крокодил осмотрел авиационные моторы и двигатели с чувством здорового удовлетворения. Еще бы! В этих не столь внушительных по габаритам агрегатах заключена чудовищная сила в тысячи лошадиных сил, благодаря которой мы быстро и комфортабельно путешествуем по свету.

Потом состоялась читательская конференция. Крокодила любезно представил его младший брат — журнал «Спутник Крокодила», вот уже четырнадцатый год выходящий как ежемесячное сатирическое приложение к заводской многотиражной газете «Ленинский путь».

Крокодил увозил с собой не только добрую память о новых пермских друзьях, но и деловые конкретные напутствия — еще острее выступать против всего, что мешает нам успешно выполнять девятую пятилетку.

ЕЩЕ О НАШИХ «ГЕРОЯХ»

На этот раз в Продолговатом зале редакции шла речь об усилении нравственного воспитания людей, об укреплении социалистической сознательности. Заместитель министра внутренних дел СССР генерал внутренней службы II ранга Б. Т. Шумилин рассказал крокодильцам о том, как ведется борьба с правонарушителями всех мастей: расхитителями, мошенниками, лицами, уклоняющимися от уплаты алиментов, браконьерами, хулиганами...

Перед крокодильцами выступили также заместитель начальника отдела политико-воспитательной работы МВД СССР комиссар милиции III ранга С. Л. Шевченко и старший инструктор того же отдела подполковник милиции Е. В. Давыдова.

Большое внимание было уделено роли общественности в борьбе с пьянством, мерам, принимаемым соответствующими учреждениями для лечения алкоголиков и возвращения их к нормальной жизни.

Немало поучительного рассказал крокодильцам и заведующий клиникой Института скорой медицинской помощи имени Склифосовского доктор медицинских наук, профессор тов. Д. Д. Федотов.

Как итог этих двух встреч, намечены новые важные темы для выступлений Крокодила.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Молодой талантливый артист дебютировал в пьесе Мольера. После окончания представления к нему подошел старший коллега и сказал:

— Если бы Мольер мог видеть вас сегодня вечером, он, наверно, перевернулся бы в гробу.

— Тогда он принял бы нормальное положение, потому что вчера вечером выступали вы,— спокойно ответил молодой артист.

●

Муж вернулся домой почти на рассвете и вошел на цыпочках, чтобы не разбудить жену. Но она не спала, ожидая его.

— Это ты? — спросила она.

— А что, ты ждешь кого-нибудь другого? — спросил он.

●

— Это бар?

— Нет, квартира.

— Я же звоню в бар.

— Но вы попали в квартиру.

— У вас что, одинаковый номер с баром?

— Нет.

— Тогда зачем же вы берете трубку?

●

Луиджи и Винсенто поклялись друг другу, что тот, кто умрет первый, приложит все усилия, чтобы установить контакт с того света с оставшимся в живых. Первым умер Луиджи. И вот однажды Винсенто, идя по улице, услышал голос:

— Винсенто, друг мой, это я, Луиджи.

Винсенто в замешательстве огляделся по сторонам. Но единственным живым существом поблизости была старая кляча, впряженная в обшарпанный фургон с мороженым.

— Да, да,— печально сказала лошадь,— это я — Луиджи. Живи как можно дольше, Винсенто. Сам видишь, куда может вселиться твой дух после смерти. Мой хозяин лупит меня, держит впроголодь да еще заставляет таскать этот фургон с мороженым по 16 часов в сутки.

— Но Луиджи,— воскликнул Винсенто,— у тебя же есть дар речи! Почему ты не устроишь скандал своему хозяину?

— Тсс... Бога ради, не выдавай меня, он не должен знать, что я умею говорить. Иначе он наверняка еще заставит меня орать: «А вот мороженое!», «Кому мороженое!».

●

Супружеская пара — в кабинете зубного врача.

— Сколько вы возьмете за удаление одного зуба? — спросил муж.

— С наркозом или без?

— Без наркоза! — твердо решил муж.

— Браво! — сказал дантист.— Наконец-то появился храбрый мужчина!

— Садись в кресло, дорогая,— сказал муж.

●

Буря. Шторм. Тонет корабль. Англичанин подходит к капитану:

— Простите, сэр, где здесь лодка для некурящих?

●

— Я уже второй день кручусь на карусели...

— Вы ее так любите?

— Терпеть не могу. Но хозяин карусели должен мне деньги, и только таким способом я могу получить с него долг.

●

Две приятельницы сидят в кафе.

— О Ядвиге я не могу сказать ничего плохого...

— Тогда поговорим о ком-нибудь другом.